

ИРИНА АНТОНОВА

МУЗЫКА ДУШИ

ПРЕМИЯ ИМ. А. А. БЛОКА

СЕРИЯ

МИРЫ
ПОЭТОВ

ИП "ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕСПУБЛИКА"
МОСКОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Ирина Антонова

МУЗЫКА ДУШИ

Премия им. А.А. Блока

НП «Литературная Республика»

2020

УДК 82-1
ББК 84
А72

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Антонова Ирина
А72 МУЗЫКА ДУШИ : Премия им. А.А. Блока / Ирина
Антонова. — [б. м.] : НП «Литературная Республика», 2020. —
142 с.
ISBN 978-5-7949-0783-4

«МУЗЫКА ДУШИ» — сборник стихотворений, написанных в духе Серебряного века и затрагивающих различные аспекты современной жизни. Книга пронизана не кричащей, но искренней и трепетной любовью к детям, родным и близким, к Родине, а первая тетрадь сборника посвящена Марине Цветаевой. Преемственность поколений, городские натюрморты и великая сила природы позволят читателю прикоснуться к красоте и гармонии мира и ощутить их целительную силу.

УДК 82-1
ББК 84

16+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-7949-0783-4

© Ирина Антонова, 2020

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

МУЗЫКА ДУШИ

Говорят, о чём бы писатель ни писал, он пишет свою биографию. Это в полной мере относится к Ирине Антоновой, с творчеством которой я знаком много лет. Поэт, если он настоящий, открыт, откровенен с читателем. Такой предстаёт её книга «Музыка души», где боль откровения зрима, и в зрелых стихах поэтессы — и память, и нынешний день.

Начальный раздел «Из Тарусской тетради» задаёт тон всей книге. Знакомый с её статьёй «Моя Таруса», напомнившей мастерство Паустовского, я ждал появления пронзительных нот тоски по утраченным ценностям. И не ошибся: буквально все стихи цикла, пронизанные печалью потери культурных начал и традиций цветаевской Тарусы, исполнены высокого поэтического мастерства. Они останавливают внимание читателя и побуждают перечитывать каждое. А это — свидетельство редкого таланта.

Изумительны по красоте и очарованию поэзии два первые цикла целиком («Из Тарусской тетради» и «Стихи о Москве»), где каждое стихотворение могло быть отнесено к шедеврам этого жанра. «Счастливый день» и «Художник», «Танец» и «Ночной разговор» — названия можно продолжить, перечисляя подряд. Стихи песенны. Читая их, сожалеешь, что не стало плеяды композиторов — мастеров советской массовой песни.

*Я слушала ночью, как ветер стучал,
И сад отвечал в перерывах,
И вешнего сада любовь и печаль
В душе отзывалась надрывом.
И старыми липами ветер шумел,
Им дождь выговаривал нежно.
Был нежности этой неведом предел
И веры в деревья безбрежной.
(«Ночной разговор»).*

Цветаевский дух, её тень, её образ зримо оживают в стихах «Там, где стоял твой дом», «Облупленная стена» и др. Вот краткое, в два четверостишия, впечатление от цветаевских мест:

*Облупленная стена
И дикий шиповник алый.
Мне чудится: здесь она
Недавно ещё ступала.
Хотелось ей унестись
И облаком встать над рощей,
Где ветер рябины кисть
В небесной реке полощет.
(«Облупленная стена»).*

А сколько музыки, сколько метафор в другом цикле — «Стихи о Москве»! В одной найденной строчке — вся юность, весь пласт воспоминаний о Нескучном саде:

Роман не в письмах, а в прогулках.

Или схваченный кадр:

*Под чёрным и влажным откосом
Сплетённые ветви деревьев.*

(«Из окна поезда»).

Цикл «Наследница Победы» другой. Здесь бОльшая конкретизация событий, случаев давней жизни с бедным, нелёгким детством послевоенной поры. Краски и музыка слов и образов двух первых циклов не гаснут, но пропускают вперёд психологизм переживаний, драматическую, а то и трагическую память. Близкое моему поколению время, когда «Ещё товаров не хватает, / Лишь что-то выкинут — лови» в стихотворении «Маме», где «свет от маминой улыбки / И женских лет её зенит». Тончайший психологизм чувств в стихотворении «Туманное солнце заходит...», когда за мамой заходит «знакомый её аспирант». Они собираются на балет, и маме не до того, и дочка её лет пяти лишь путается под ногами...

В цикле «И жизни всесильная жажда» возврат к ностальгии Тарусы обретает новые черты. Он более обобщён, философичен. Отдельные одна-две строки охватывают жизнь в целом:

*Описать судьбу мою несложно,
В ней так много музыки и боли...*

*Жизнь скользит из рук, как хвост жар-птицы,
Обращаясь в свет непостижимый.*

(«Возраст жизни»).

Здесь ранний роман, в конце школьных лет, в ЦПКО, когда «Нам встречаться не положено, / Но запретный сладок мёд», и, охватывающие этап жизни общества стихи с ёмкой характеристикой времени:

*Отщепенцы брежневской державы,
Вечные студенты, бунтари
Жертвенной молитвой Окуджавы
Царство расшатали изнутри.*

Цикл вершат господствующие в нём стихи памяти «мальчиков далёкого застоя», друзей и знакомых автора:

*И, как блёстки сгинувшей эпохи
Переходят в музыку без слов —
Наших встреч божественные крохи
И стихи до третьих петухов.*

В последнем цикле «На Чистых прудах» — всё то же продолжение биографии. Он посвящён памяти покойного мужа — поэта Валентина Терещенко и полон пронзительной душевной боли об утрате любимого.

*Под сенью дерева подъезд
И твой глухой этаж,
Ты — старожил всех этих мест,
Похожих на мираж.
(«К тебе»).*

Здесь в апогее открытость и откровенность поэта, и прошлая семья предстаёт с её счастьем и ссорами, заботами и каждодневным бытом. Таковы стихи «Примирение», «Мне с тобой хорошо в шалаше», «Поёшь мне песни Украины» и др.

МУЗЫКА ДУШИ

Где бы ни печаталась Ирина Антонова, высокое мастерство поэтессы всегда радует читателя. Будем ждать от неё новых книг — поэтических и прозаических. Пожелаем ей доброго пути!

Валерий Лебединский,
главный редактор международного
литературного альманаха «Муза»,
член Союза писателей Москвы и
Союза журналистов России.

МАРИНЕ ЦВЕТАЕВОЙ

Портрет девушки в соломенной шляпе

Соломенной шляпы качались поля.
Медлительной бабочки танец.
Цветенье настурций, жужжанье шмеля
И яблока розовый глянец.

На белой веранде глоталось питьё,
Прозрачные пальцы светились.
Смешные оборки на платье её
От ветра стоймя становились.

Соломенной шляпа качались поля,
От жгучего полдня завеса.
И жизни начало беспечное «ля»
Над полем звучало и лесом.

Родные пенаты, запущенный сад,
Где вишню сменяет крыжовник...
А жёлтые пчёлы летят и летят
На белый и алый шиповник.

Давно заменили забором плетень,
Река и холмы в панораме...
И снова, как прежде, бушует сирень
В дубовой не крашенной раме.

Сомненья и горечь пришли чередой,
Но голос забвенья наивный,
Над лугом её, над зеркальной водой,
Как зов божества неизбывный...

Облупленная стена
И дикий шиповник алый.
Мне чудится, здесь она
Недавно ещё ступала...

Хотелось ей унести
И облаком встать над рощей,
Где ветер рябины кисть
В небесной реке полощет.

Счастливый день

Горячим солнцем полон день!
Разлил овраг полынный запах.
Мальчишки в лопуховых шляпах,
Смешно одетых набекрень.

Приходит женщина к нам в дом,
Горою сыплет землянику —
И луч приказывает блику
О стены биться плавником.

Разгулу солнца нет границ,
От ветра пляшут занавески,
И света солнечные всплески
Щекочут кончики ресниц.

Такое солнце по углам,
Так золотятся пол и двери,
Что я вот-вот в себя поверю —
Земле за свет её воздам!

Художник

Льнёт к ногам подорожник.
Льётся солнечный свет.
Я свободный художник,
Музыкант и поэт...

Я гуляю с мольбертом
По полям и лугам —
На закате концерты
Птичий щебет и гам.

Я рисую деревья,
Солнце, птиц и траву,
И глухую деревню,
Где я нынче живу.

На рассвете, в субботу,
Дачной праздности враг,
Выхожу на работу
В незнакомый овраг.

Вижу музыку линий,
Слышу гамму цветов —
Я рисую в долине
Ярко-рыжих коров.

Льнёт к ногам подорожник.
Льётся солнечный свет.
Я свободный художник,
Музыкант и поэт...

Танец

В пыльце летучей плечи и ладони.
Как в танце, приподнявшись на носки,
Мы в шорохе и шелесте потонем,
Не отстраняя листьев от щеки.

Всего одна «горящая» неделя,
Когда роняет липа семена.
Нагруженные пчелы улетели —
И чаша жизни до краев полна.

Когда-нибудь промозглою зимою
Опустишь в кипяток засохший цвет —
Всплывет июль, изнеможенье зноя
И из-под кроны приглушенный свет.

Простерла липа ветви молодые —
Наш день настал — пробил счастливый час —
Пускай не дождь, но брызги золотые
Тебе и мне достанутся хоть раз!

Ночной разговор

Я слушала ночью, как ветер стучал
И сад отвечал в перерывах,
И вешнего сада любовь и печаль
В душе отзывалась надрывом.

И старыми липами ветер шумел,
Им дождь выговаривал нежно.
Был нежности этой неведом предел
И веры в деревья безбрежной.

Я слушала странный ночной разговор,
(Других откровений не надо):
Надежду тревогу, печаль и укор —
Смятенного ливня и сада.

И так мне хотелось свой голос вплести
В весеннюю звучную фугу —
Смеяться и плакать, прощать и просить —
И сердце выказывать другу.

Август

памяти О. Кисловой

Под раскаты далёкого грома
Через край перельётся вода.
На террасе просторного дома
Долго сплю я под шорох дождя.

То ли ветер берёзу качает,
То ли мамина песня без слов.
Только ласку душа различает,
Только чувствует плеск голосов.

В одеяле блаженной дремоты,
Утыкаясь в подушку лицом,
Можно верить, что любит нас кто-то
И простёрто крыло над птенцом.

А потом через стёкла цветные
Так отрадно смотреть по утру,
Как последние флоксы хмельные
Облетают на свежем ветру.

Камень

*«Здесь хотела бы лежать
Марина Цветаева...»*

М. И. Цветаева

Бабьего лета деньки золотые.
Словно сияющий нимб на деревьях.
Царство хлыстовок, луга заливные —
Благословенной Тарусы преддверье.

Светом янтарным холмы залитые:
Даль окаёма и ветра остуда.
Тянутся к солнцу шары золотые,
Рыжие головы свесив повсюду.

Мимо хлыстовского кладбища мимо,
Строки ли, сонмы стрекоз золотые —
Жаждою встречи томясь, пилигримы —
Преодолеют подъёмы крутые.

МУЗЫКА ДУШИ

Там, где стоял твой дом,
Куст бузины возрос.
В каждом цветке земном
Словно немой вопрос.

Жадно зажав в руке
Лютик ли, зверобой,
К светлой спущусь Оке
Прежней твоей тропой.

Знаю в июльский зной,
Там, где трава и тишь,
Бабочкою цветной
На косогор слетишь.

Последние дни

памяти М. Цветаевой

В писательском доме размолвки:
Все карты смешала война.
«Возьмите меня в судомойки», —
Напрасно просила она.

Скоро всех вас покину,
Высвобождая путь.
В тягость не буду сыну,
«Милый, не обессудь...»

Мечется-рвётся слово
В бездне небытия.
«Мальчика золотог,
Боже, храни как я»...

СТИХИ о МОСКВЕ

Стихи о Нескучном саде

Роман не в письмах, а в прогулках,
Столетней давности роман.
Из лип склонённых закоулки
И над Москва-рекой туман.

С весёлым сердцем беззаботным
От шума города вдали,
Мы все счастливые субботы
В саду Нескучном провели.

О сад, поистине Нескучный,
Тебе нет равного в Москве,
Мы по твоим взбирались кручам,
Замшелым листьям и траве.

Давно уж камнем канул в Лету
Тот миг, от света полосат,
Где я бегу по парапету —
И только волосы назад!

И мне нельзя остановиться,
Напрасно ты кричишь мне вслед —
Останови движенье птицы
И девушки в семнадцать лет!

О жизнь мгновения на снимке,
Где я отчаянно бегу —
Всё наше будущее в дымке —
И только контур МГУ.

Песенка о московских окраинах

Где ветер неприкаянный
За свалочным шоссе,
Мы жили на окраине
В зелёной полосе.

Дворы, верёвки, простыни —
Довольно простоты...
И вплоть до самой осени
Шиповника цветы.

Звенят, звенят трамвайчики
В окраинной Москве,
И солнечные зайчики
Гуляют по траве.

Наш сад сиренью вспенится,
Весны дождусь едва...
Но скоро жизнь изменится,
Изменится Москва.

Поди-поди, узнай его,
А ведь не так давно...
«Медведково», «Беляево» —
Название одно.

Деревья в ряд посажены,
Привезены с весны,
Иначе жизнь налажена,
Заборы снесены.

Но кто-то вдруг оглянется,
Оглянется назад —
Кому-кому достанется
Запущенный наш сад?

Из окна поезда

Бегут подмосковные дачи,
С рожденья знакомый маршрут,
В светящемся пухе цыплячем
Воздушные вербы встают.

О чём вы поёте, колёса?
Несвязный и нежный напев
Под чёрным и влажным откосом
Сплетённые корни дерев.

На этой заезженной трассе,
От вешней капли продрог,
Напомнит мне домик с террасой
Подснежника хрупкий росток.

Названья заученных станций.
Мельканье затопленных рош —
Остаться, остаться, остаться,
Но поезд проносится прочь.

А лес беззащитен и светел —
И время гадать о судьбе —
И встречного поезда ветер
Лицо обжигает тебе!

Весна

Весенний мир, безумный мир,
Кружение, суматоха,
Я потеряла ориентир,
Что хорошо, что плохо.

Судьба качнулась на весах,
Разбросаны тетрадки...
Летит душа на парусах
К апрелю без оглядки!

Огни бульварного кольца,
Дух тополиных почек —
Два запрокинутых лица —
И долгий-долгий прочерк!

Меня несёт весенний вихрь,
О, не гляди так грозно,
Я разом влюблена в троих,
Но, впрочем, несерьёзно...

Весенний мир, безумный мир!
Я рада и не рада,
Что потеряла ориентир,
Как править сердцем надо.

Соседка

Запах лета свеж и горек,
Как тесна твоя обитель!
Ждёшь ли ты кого, историк,
Русской древности хранитель?

Глухо скрипнули задвижки,
Ваши встречи, право, редки.
Всякий раз ты даришь книжки
Легкомысленной соседке.

Если ночью с сердцем плохо
(Дочь уехала на дачу),
Ты ей в дар приносишь Блока
И Есенина в придачу.

Входит в платье коротком,
На руке звенят браслеты...
Смотришь радостно и кротко
На явленье из балета.

И на память ни серёжки,
Ни монисто, ни колечко, —
Даришь в книжке без обложки
Светлый храм на чистой речке.

И зачем, скажи историк,
Ты, склоняясь, целуешь руки? —
Эта девочка не стоит
Ни тоски твоей, ни муки...

Говоришь, да всё напрасно,
Как мудрец о небе звёздном,
О высоком и прекрасном —
Молодой и несерьёзной...

Ода Юго-Западу

В весенней растворяясь листве,
Внезапно поведясь на запах —
Вдруг понимаешь, что в Москве
Всего отрадней Юго-Запад.

Здесь нет вокзальной суеты
И центра роскоши обидной —
И одуванчики желты,
И нагибаться к ним не стыдно,

Когда проходишь у воды
Среди нестриженных газонов,
Едва расцветшие сады
Навстречу выдохнут озоном.

Земля и в городе земля,
В ней почек, лопнувших истома,
И молодые тополя,
Как домочадцы, ждут у дома.

МУЗЫКА ДУШИ

Опять спешишь сквозь анфилады,
И восхищаясь, и дивясь,
Эпохи рухнувшей громада,
Настенной летописи вязь.

Не стёрты в памяти названия
С упоминанием вождей...
На каждой станции свиданье
С прошедшей юностью твоей.

Ты стала кровной кольцевая,
Как лестницы твои круты,
Воспоминанья наплывают.
Как поезда из темноты.

Напрасно всматриваюсь в лица.
Зажатая со всех сторон,
Раскрепощённая столица —
Многоязыкий Вавилон.

О чём, опившись пепси-колой,
Базарят бритые юнцы —
Не разберу — другая школа.
Дороги в разные концы.

До свиданья, чужестранцы,
Ветер севера в лицо...
Под Москвой полей пространство,
Золотых лесов кольцо.
Немцы курят сигареты
По-немецки говорят,
На исходе Бабье лето,
Краски осени горят.
Даль прозрачнее, светлее,
Переводчица в углу
Прижимается сильнее
К запотевшему стеклу.
Неприкаянны и близки
Вдоль дороги кольцевой
Всё мелькают обелиски —
След сражений под Москвой.
И взирают иностранцы,
Сдвинув модные очки,
Как впиваются в пространство
Азиатские зрачки.
Как глядит она тоскливо,
От движенья захмелев,
На разметанные гривы
Жарко убранных деревьев.
И глаза её, и плечи,
Как последнее «прости»,
Как порыв славянской речи,
Им нельзя перевести.

МУЗЫКА ДУШИ

Я рада февралю,
Как радуются брату —
Весь город закуплю,
На всю свою зарплату!

С утра пеку блины,
Похожие на солнце —
Глаза устремлены
В звенящее оконце.

Роняю нож. Ура!
Скорей бы гость явился.
Не зря ещё вчера
Багульник распустился.

На Таганской радиальной
Я замедлила шаги —
Звуки музыки печальной.
Эй, себя побереги!

В поездах и переходах
Рвётся музыка как плач —
Пресловутая свобода,
Правит душами скрипач.

Лейся, Моцарт, прямо в сердце,
Дребезжи в ответ струна —
Никуда теперь не деться —
Мы — свободная страна.

Работа

Здания, памятники, скверы,
Все смешалось в голове:
Я работаю курьером
И летаю по Москве.

Переулки, закоулки,
Магистраль, тупики —
Это все мои прогулки
Снегопадам вопреки.

Растормаживаю нервы —
Начинаю новый старт —
Я капель встречаю первой
И вдыхаю талый март.

Говорят, поэтов ноги
Кормят так же, как волков, —
И, клубясь в пыли дороги,
Нарастает гул стихов.

Маршрут

Там Воробьевы горы,
Исхоженные мной.
Площадка для обзора
И ветер ледяной.

Запутанные нити,
Любимый человек,
Москва-река в граните,
Ещё двадцатый век...

Всем празднествам свиданья
Ещё не вышел срок —
И манит мирозданье,
И помогает Бог.

Нас горы Воробьевы
Из памяти сотрут,
Но кто-то юный снова
Откроет наш маршрут.

В дороге

И целую давно по привычке,
Расстаюсь и встречаюсь без слёз,
И гляжу из окна электрички
На простёртые руки берёз.

Летний сумрак ползёт по откосам,
Сколько станций ещё впереди?
Разве прежняя жалость к берёзам —
Вот и всё, что осталось в груди.

Двадцать шесть, двадцать семь, двадцать восемь,
Верстовые столбы на пути,
Где конечная станция «Осень»? —
Я б желала чуть раньше сойти.

СЕМЕЙНЫЙ КОРАБЛЬ

Корни

Подыматься на дёрне
Хорошо и легко.
Где вы, старые корни?
Глубоко-глубоко.

Лишь пульсируют соки
В капиллярах листвы.
Нашей жизни истоки
Мы не видим, увы.

Мы цветущее племя,
Поздний выплеск земли —
И в долгу перед теми,
Что до нас полегли.

Были стойки и яркие,
Может, лучше, чем мы —
Эту жизнь, как подарок,
Мы вбираем из тьмы.

Праздник

Мне день рожденья отмечали,
Повсюду ставили сирень,
Но песни грустные звучали
С утра до ночи в этот день.

Он совпадал с такою датой,
Что собиралась вся родня,
И пили «горькую» солдаты
Во славу Вечного огня.

По скатерти скользили блики,
Врывался в окна белый сад,
С тех пор от мала до велика
Картины в памяти стоят.

Отец в медалях при параде.
Перемешались свет и тень:
Война и Мир всё время рядом,
И бесконечно длится день...

Звучит молчания минута...
Но знают дети за столом,
Что всё закончится салютом —
И будет праздник за окном!

Семейный корабль

В день ангела бабушки нашей
У внучки забот полон рот:
Как выбрать вкуснее и краше
В Филипповской будочной торт.

А после семейные сцены:
Знакомство внучат и возня.
Три брата моих — три кузена
Вкруг ёлки обводят меня.

Пальто отрясают в передней.
И снова протяжный звонок.
Старушка, не снявши передник,
На детский спешит голосок.

И дед осторожной походкой,
Побрившись, выходит к гостям.
Как день угасающий, кротко,
Он чуть улыбается нам.

Родные и слева, и справа!
Морозная темь за окном —
В таком же счастливом составе
Уже не собраться потом.

Команда надёжная в сборе —
И можно на вёсла налечь!
Так жутко, так весело в море!
И скрыта до времени течь.

Слово о прасоле

*Памяти отца;
По его рассказам.*

Дед моего деда был прасолом.
После Успения отправлялся он
С младшим братом в Азовские степи.
За жеребятами неокрепшими,
Светлым временем шли,
В непогоду в стога зарывались,
Жгли ночами костры, варили кулеш,
Про житье говорили, а когда уставали
Песни долгие пели и звезды считали.
Солонее и злее ветра становились,
горчило полынью.
Чабана находили и, долго торгуясь,
За четверть цены стригунков выбирали
В отметилах белых и гнали домой.
На ничейной земле паслись жеребята,
Из неокрепших и жалких
Превращались в коней норовистых...
И вставали над хлябью весенней
приветливые вербы —
Значит дом недалече
и милое Марфино¹ близко...
С почерневшим лицом, в худых сапогах,
На себя не похожи,
Важно братья вели мимо окон
жеребчиков резвых.
На ярмарке первой их с барышом продавали,
Большую часть в кабаке спускали,
С родней пропивали, сватов зазывали.

¹ Марфино — деревня в мешерском крае — родина деда.

Оставшегося — в аккурат,
 кое-как хватало до Успения,
И опять старший подзывал младшего...
Долго звезды над крышей сарая
 им спать не давали —
И едва ли в одном барыше было дело...
Не пахать им, не сеять,
А вечно скитаться и сгинуть в дороге.
Дед моего деда — фантазер и гуляка,
Под рубахой твоей домотканой
Через столетия слышу
Дерзкое сердце поэта.

Очень светло и тихо,
Праздничный день — суббота,
Мимо полей гречихи
Мама идёт с работы.

Застит лицо ладонью,
Я к ней бегу на встречу —
Это ещё не полдень,
Это ещё не вечер...

Вот мы вдвоём шагаем
Медленную походкой,
Слившись, скользят лугами
Длинная тень с короткой.

МУЗЫКА ДУШИ

Туманное солнце заходит —
Февраль или, кажется, март...
За мамой под вечер заходит
Знакомый её аспирант.

На маме парадное платье,
Глаза её странно блестят,
И силась не в силах понять я
Её невнимательный взгляд.

И запах духов незнакомый,
И синий с эмалью браслет —
Мы с няней останемся дома,
А мама звана на балет.

Я с детским упорством упрямым
Под ноги суюсь без конца, —
Гость смотрит с улыбкой на маму —
«А девочка ваша — в отца...»

Но вкрадчивым голосом гибким
Я знаю, я слышу — он лжёт!
И вдруг, погасивши улыбку,
Меня своим взглядом прожжёт.

О как я ему ненавистна,
Я чувствую даже спиной,
Но с горьким притворством артиста
Он весело шутит со мной.

Маме

Последний снег — сырой и липкий,
Трамвай грохочет и звенит...
И свет от маминой улыбки,
И женских лет её зенит...

Ещё товаров не хватает,
Лишь что-то выкинут — лови.
И мама мне перешивает
Смешные платъица свои.

В горячем зареве заката
Мелькнёт знакомый силуэт...
И нету к прошлому возврата,
Не разглядеть сквозь толщу лет...

Рабочий день без передышки,
И в детский сад успеть за мной,
И уж, конечно, не до книжки
В один короткий выходной.

Всю зиму думает о даче,
А за душою ни гроша.
Я замечаю: мама плачет,
В ладони хрупкие дыша,

И вдруг посмотрит близоруко,
О, этот взгляд из-под руки!
Такая в нём любовь и мука,
Что сердце рвётся от тоски.

Ностальгия по веку

Я — наследница Победы,
На ветру сгорают дни.
Никуда я не уеду,
Хоть метлой меня гони.

Все пути приводят к Риму,
И в Москву они ведут.
Здесь бывали мы любимы,
Здесь нам кажется, что ждут.

На горах, на Воробьёвых,
Где запутаны следы,
Кружат бабочками снова
Наши тени у воды.

Век двадцатый, непредвзятый,
Мы на «ты» с тобой давно.
Промелькнувшее когда-то
Прокрути мне, как в кино.

Дай почувствовать истому,
Где трамвайные пути,
Где ни дерева, ни дома,
Ни дороги не найти.

Лишь в густой траве забвенья
Одуванчиковый пух,
И мои стихотворенья
Месяц май читает вслух.

Папины письма

Довоенное фото —
Выпускник МГУ.
Письма папины с фронта
Столько лет берегу!

В пожелтевшей газете,
Драгоценней наград,
Письма папины эти,
Никогда не сгорят

Смолкнет гром канонады
И развеется дым.
Не узнать Ленинграда —
Он напишет родным:

«Всё в порядке, не ранен.
Сыт вполне и здоров...»
Всё, что было за гранью,
Понимаешь без слов.

«Мы пошли в наступление!» —
Строчки рвутся вперёд —
Всё его поколение
В полный рост предстаёт.

До прорыва блокады
Остаётся чуть-чуть.
Только выжить им надо,
Только выдержать путь.

В темноте бездорожья,
В свете призрачном дня,
Сбереги его, боже,
Сохрани для меня!

Ветеран

Он вернулся прострелен, контужен...
И к делам приступил основным.
Был как воздух стране своей нужен,
Век двадцатый растаял как дым.

Кто-то свыше подводит итоги:
Поколение уходит солдат.
Белой вьюгой заносит дороги
И чугунные прутья оград.

Всё ж успел он руками своими
Сад возделать, поправить скамью...
Мне оставил он доброе имя
И посмертную славу свою.

Провожаем своих героев,
Отдаем прощальный салют...
Голубые снега накроют
Их последний земной приют.

Ляжет иней на край ограды,
Низко птица взмахнет крылом.
Будут дети хранить награды.
Станут внуки листать альбом.

Молодая взойдет дубрава,
Зашумит по весне овраг.
И посмертное эхо славы
Прилетит на семи ветрах.

МУЗЫКА ДУШИ

*Светлой памяти
моего отца А. В. Антонова*

И в долгожданный день Победы
Ты не наденешь ордена —
Я за черту Москвы поеду
К тебе на Щербинку, одна.

Ты здесь души моей основа,
Прости тоскующую дочь —
Я поцелую крест дубовый,
Но ты не сможешь мне помочь.

Не прикоснусь к твоим сединам,
Не выйдем в парк воскресным днём —
Твой подмосковный дом из глины
Полит слезами и дождём.

Парки победы

Газоны сияньем объята,
Играет оркестр духовой...
Басовых звучаний раскаты
И скрипка печали живой.

К параду готовятся парки.
Вы слышите шелест знамен?
Берёз триумфальные арки,
Немеркнувший список имен...

Стозвонное эхо Победы,
Фонтанов и клумб торжество.
Помянут ушедшего деда
Беспечные внуки его.

Рядами сомкнулись тюльпаны.
О, этот немислимый свет!
Простите за все, ветераны,
Но нам не расслышать ответ.

Куда вы солдаты? Солдаты...
Но нас разделило чертой.
Над алой бессмертной датой
Терновый венок золотой.

АКВАРЕЛИ

Акварель

Под мокрой кочкой в крошечке трухи
Проклюнулся апрель и вертит головою.
Он жаждет осязать и блики, и штрихи
И выпростать крыло над прелюю листвою.

Пушится верба, катится река.
Лежит земля без всякого покрова,
И светом выдыхают облака,
И ширится энергия живого...

Задыхаясь, глохну от простора,
Синеву раскачивает ветер,
Мчится моей жизни поезд скорый,
Выйду на перрон — никто не встретит...

Где-то там за пылью придорожной
Домик лесника и сразу поле —
Описать судьбу мою не сложно,
В ней так много музыки и боли.

Все быстрее шелестят страницы,
Скорый поезд пролетает мимо —
Жизнь скользит из рук, как хвост жар-птицы,
Обращаясь в свет непостижимый.

Яблоня

На заре бледнею и пылаю,
И дрожу, как облако в лесу, —
Неужели, правда, облетаю
И на ветках таинство несую?

Птицы на ветвях моих повисли,
Не жалею яблочек никому,
Но всё чаще горестные мысли
Подступают к сердцу моему.

Наступает долгое зимовье.
В мёрзлый грунт не весело вращать —
Милый друг, оплачиваю кровью
Дорогую радость — расцветать.

И жизни всесильная жажда
С уходом моим не умрет...
Я деревом стану однажды,
В зелёный войду хоровод...

И в шелесте робкого мая
Ненужную горечь уйми.
Зачем же ты ветки ломаешь,
Зелёные руки мои?!

Неужто тебе не известно,
Что в гуще сестёр, на лугу,
В сквозящей одежде древесной
Себя указать не могу.

Зелёное яблоко

В Ц.П.К., где всё исхожено,
Я крошу ботинком лёд.
Нам встречаться не положено,
Но запретный сладок плод.

Мы идём и розы пламенно
На щеках у нас цветут...
Что нам школьные экзамены.
Поступленье в институт?!

Одноклассницы злорадствуют
И завидуют тайком,
Но отсюда только явствует,
Что роман как снежный ком,

Всё быстрее под горку катится,
Неизведанным грозя,
Сердце бедное спохватится,
Но назад никак нельзя!

Поздно сердцу уязвлённому
Злыми бедами грозить.
О, как в яблоко зелёное
Зубы хочется вонзить!

Как роман авантюрный
Жизнь читаю с листа.
Над завязкой амурной
Усмехнусь неспроста.

И любовь, и проклятье —
Что там брезжит вдали?
Вновь готова вдыхать я
Все печали земли.

Нарастает тревога,
Но нельзя изменить
То ли замысел Бога,
То ли вымысла нить?

Проплывают незримо
И влекут наяву —
Свежий запах жасмина
И крапивы во рву.

ТРИПТИХ

памяти В.К.

1. Мастерская

А потом воспоёшь мои плечи и шею,
Сотни солнечных брызг, разлетятся звеня,
Я под взглядом твоим, что таить, хорошою, —
Это ты и любовь создаёте меня.

Я теперь узнаю, что тобою любима,
И понятно тебе, что ты трижды любим!
В этот мартовский день время необратимо,
Дорогой мой, скажи мне, куда мы летим?

Мы влетаем в Неаполь, оглашённо, как дети.
Сотни солнечных брызг захлестнули стекло.
О, как звонко поёт юный голос Лоретти,
Сколько светлых теней по стене пролегло!

Ты разложишь потом за картиной картину,
Акварельного утра запомню эскиз...
В этот мартовский день время необратимо,
Опускается голубь на снежный карниз.

2

Снова славлю весну, необжитые скверы,
Где чернеет перчатка, примёрзнув к скамье...
Узнаю вас, Любовь и Надежда и Вера,
Сотни маленьких солнц вострепнулись во мне.

И страданье презрев, в тайной радости муки,
Бесприютность судьбы, предрекая навек,
Простираю к тебе обнажённые руки,
Сумасшедший, родной, дорогой человек!

3

Чьи глаза молодые так дерзко сияют с портрета?
Мимолётный набросок, минувшей эпохи
штрихи...
Поиск Вечной весны — безутешное соло поэта,
Произвольный сюжет, где ликуют и плачут стихи.

МУЗЫКА ДУШИ

памяти А. Сопровского

Мальчики далёкого застоя
С искрой мандельштамовской в глазах,
Вас посмертной славы удостоят
И псалмы споют на небесах.

Помните рождественскую вьюгу,
Посиделок призрачный ковчег,
И стихи запретные по кругу,
И гитары бешенный успех!

Отщепенцы брежневской державы,
Вечные студенты, бунтари...
Жертвенной молитвой Окуджавы
Царство расшатали изнутри.

Юноши — безвестные пророки,
Лица расплываются в дыму.
Горечью пронизанные строки
Из пыли забвенья подниму.

Мальчики — отважные мужчины,
Перед вашим именем неметь...
Злое время — новые личины...
Самых лучших выбирает смерть.

И как блёстки сгинувшей эпохи
Переходят в музыку без слов
Наших встреч божественные крохи
И стихи до третьих петухов.

памяти Е. Мороз

Где ветер, исполненный риска,
Взмывает, не зная преград,
Беспечная тень гимназистки
Окликнет меня наугад...

Невольно споткнутся ладони
О мраморный выступ плиты...
Но это лицо в медальоне...
Но эти живые черты...

И столько в нём радости дерзкой,
Что я вспоминаю не раз
О девочке Оле Мещёрской
Пронзающий душу рассказ.

Твой образ незримый витает,
А воздуха горек, и чист.
В багряных прожилках слетает
Кленовый трепещущий лист.

И даже в самом колыханье
Почти облетевших ветвей
Я лёгкое слышу дыханье —
Немеркнувшей жизни твоей.

МУЗЫКА ДУШИ

Не к сыну и не к дочке
Пройду под вьюгой путь —
Зовёт и плачет строчка,
И не даёт заснуть.

Метель звенит над нами,
Над строчкой ворожу —
И звуком, и словами
От счастья закружу...

Живи, моё творенье,
Гуляй, рыдай, пляши...
По-моему хотенью,
Под музыку души...

Жгучий напев

Ты уйдёшь в непроглядную ночь —
Будет ветер крушить и ломать,
Но однажды мятежная дочь
Превратится в покорную мать.

С лёгких крыльев исчезнет пыльца,
Изотрётся трепещущий шёлк,
Выполняя по воле творца
Материнства мучительный долг.

Всё вернётся на круги своя —
Этот жгучий напев — не избыть...
Подрастают твои сыновья
Дочерей непокорных любить!

РОЗОВЫЙ СЕРДОЛИК

Море

И скинув в синеву морскую
Заботы непосильный груз,
Я никогда не затоскую
В краю малиновых медуз!

Сама медузе уподобясь,
Качнусь рассеяно в волнах,
Забуду скованность и робость,
И недоверие, и страх...

Под солнцем душу отогрею,
Прошедших буден смою грязь —
Я стану лучше и добрее,
Такой, какой я родилась.

Хочу на жаркое безлюдье,
Где девственна морская гладь —
И с неба льётся по полудню
Тепла и света благодать!

В часы прилива и отлива
Лежать и думать на песке —
По первобытному счастливой,
От вечности на волоске.

Запомню все: и ветреный апрель,
И серый день, и каменные груды —
И занесу на память в акварель
Изогнутое деревце Иуды.

Его цветенья дух неистребим.
На ошупь корни чувствуют опору...
И кажется, что это пилигрим
Над пропастью карабкается в гору.

Была душа весне открыта
И не хотелось ставить точки.
В Москву писала я открытки,
Где волны размывали строчки.

Мне было весело свободной —
Гулять отсчитывать недели,
А с моря ветер дул холодный
И брызги под ноги летели...

Встреча

По камешкам по осыпи
Последних пять шагов —
О город Феодосия —
Бесценный дар богов.

С тоскою суеверною
В волну бросала медь —
Любовь моя безмерная,
Дозволь в глаза глядеть.

Измученной разлукою,
Мне слышался прибой —
Ты поишь сердце звуками
И тянешь за собой.

Смешай волну солёную
С восторгом слёз моих —
Мы радость иступлённую
Поделим на двоих.

Сердолик

Прозрачен и прохладен,
К руке моей приник
Цепочкой виноградин
В браслете сердолик.

Рожден стихией водной
И вынянчен волной,
В таинственных разводах
Он дышит под луной.

Мелодией преданий
Опутывает слух,
И от его касаний
Захватывает дух.

С судьбою суровой споря,
Мы вместе столько лет —
И терпкий запах моря
Хранит мой амулет.

Туманится и манит
Камней бессмертный лик.
Когда меня не станет,
Люби мой сердолик.

Коктебель

М. Волошину

В белом продуваемом хитоне
Небожитель протянул ладони.

В розовой дымке акварели
Облака над морем полетели.

За горою с профилем Поэта
Бухта бирюзовая от света.

С нежностью почти благоговейной
Прикоснусь к воде благословенной.

И меня как в древней колыбели
Укачают волны Коктебеля.

Чайки прокричат над головою
Мне предупреждение штормовое.

«Видишь-видишь в глубине залива
Черный вал и вспененные гривы?»

Нарастает гул морской погони:
Ржут и скачут вздыбленные кони.

В берег бьют. Вытягивают морды —
Это бури первые аккорды.

И всю ночь неистовый маэстро
Будет дирижировать оркестром!

Кимоно

Кимоно на выцветшей подкладке,
Стаи птиц в изогнутости линий.
Рукава широкие и складки
Долго теплоту ее хранили.

В тихий час, когда роса блестела
В гроздьях распутившихся акаций,
Кимоно под ветром шелестело —
В нем бежала к морю искупаться.

В модном кимоно тревожным летом
Легкая и гибкая, как гейша,
Закружила голову кадету,
О судьбе не ведая дальнейшей.

Бой часов, прабабкиных, настенных,
Пыль на книгах, на китайских вазах...
Перистые вянут хризантемы
И желтеют веточки на вязах.

В кучу хлама сброшенный халатик...
Сердце содрогается от стужи:
Входит мода прочная на ватник —
И ремень затягивать потуже.

Кимоно тускнеет и пылится,
Источая горьковатый запах,
И взлететь никак не могут птицы
Золотые, на поджатых лапах.

Юг в октябре

Что мне жизни московской удары?
Здесь меня пробуждает прибой...
Погружаться с утра в мемуары,
Воздыхать над чужою судьбой.

И гулять в одиночестве сладком,
Глянцевитую трогать листву,
И на розы коситься украдкой,
И тепло ощущать наяву.

Наслаждаться, что пляжи пустые
И «сезон» до апреля закрыт...
И, в объятья бросаясь морские,
Как с любимым прощаться навзрыд!

Базар в Анапе

Берите, хватайте татарские шапки
И роз разноцветных большие охапки.

И южного солнца степные дары —
Зелёных арбузов литые шары.

Три парня гутарят, в зубах самокрутки,
Как море солёны рыбацкие шутки.

Повсюду наколки, моряцкая кость,
Серебряных рыбок качается гроздь.

А рядом в корзинах синее кефаль —
Неужто за это пятёрки вам жаль!?

В цветастом платочке стоит молдаванка —
Такая простушка, такая смуглянка...

Не то угощает, не то продаёт —
Шершавую крынку, смеясь, подаёт...

Наверно колдунья, пригожа с лица —
И нету вкуснее её варенца!

На барахолке

Сквозь холода и пятилетки,
Самой истории назло,
Её в прозрачной вуалетке,
Как щепку малую несло.

Её беспечные прабабки,
О них история молчит...
В мужском пальто, помятой шляпке
На рынке женщина стоит.

Мелькают в памяти картинки:
Друзей-актёров полный дом,
Звучат Вергинского пластинки,
Но старый быт идет на слом.

Она о помощи не просит,
Едва от холода жива,
Но одноклассник ей приносит
Сухие спички и дрова.

И в годы будущих лишений,
В ладони зябкие дыша,
Лишь в Бахе ищет утешенья
Её незрелая душа.

Смешная сумочка из шелка,
Приморский город далеко...
На этой шумной барахолке
Так обмануть её легко!

Старухи топчутся в овчинах,
Она стоит который час...
Отменно выбритый мужчина
С неё не сводит сытых глаз.

ДЮЙМОВЧКА

И в асфальте пробилась трава,
Нет для жизни наглядной примера.
Вот уже тебе стукнуло два,
Безотцовская девочка Лера.

За собакой, за кошкой бежать,
Над зелёной склоняться букашкой,
Восхищенье твоё не сдержать,
И душа твоя вся на распашку.

Ты невольно вошла в эту связь,
Где и солнце, и воздух, и дети.
Если чуть моя жизнь задалась,
Это ты появилась на свете!

Сколько радости после дождя!
Мир весёлым бездомным воронам!
О моё дорогое дитя,
Только сердце нам будет законом!

Братец-Клён

Я на него смотрела сверху вниз,
Тянулись ветки свежие упрямо —
Пытались уцепиться за карниз
И по ночам стучать оконной рамой.

На уровне второго этажа
Вихрастый клён всю шумел листвою...
И стала мне близка его душа
И тень его ветвей над головою.

Всё лето он ко мне заходит в дом,
Не знаю одиночества и скуки.
Когда с утра пишу я за столом,
Он мне в окно протягивает руки.

Ах, Братец-клён, как изменился ты,
Всего за ночь ты сделался багряным...
Под хмурым небом кружатся листы
И тонкий ствол качается как пьяный.

Свою судьбу ты обречённо ждёшь,
Как сирота стоишь в ноябрьской луже, —
На бритого солдатика похож,
Под натиском ветров обезоружен.

Зимний вальс

Чтобы скорее согреться
И ни о чём не тужить,
Будешь у самого сердца
Спящую дочку кружить.

Словно флажки на верёвке
Детское сохнет бельё.
Свет белокурой головки
Чуть освещает жильё.

Дует в оконные щели,
Ах, ничего-ничего...
Силы твои на пределе
Жизни поют торжество.

Нету блаженной угара!
Тяжесть на сгибе локтя:
Кружится вечная пара —
Юная мать и дитя.

И, предаваясь движенью,
Не пожелаешь убрать
В зыбком своём отраженьё
Посеребрённую прядь...

Дюймовочка

Посадила маленькое семечко,
Потянулся стебель из горшка.
Белый снег и крошечная девочка
В сердцевине алого цветка.

Затыкала щели все и форточки
От мышей и разных пауков.
Просыпаясь, пела мне Дюймовочка
Ласковую песенку без слов.

И хоть стала жизнь моя с утешью,
В ней печаль глубокая живёт:
В лодочке из скорлупы ореховой
Дочь моя однажды уплывёт.

Внучке Полине

Ангел новость нежданную
Возвестил на трубе!
Выбираю приданное
Незнакомой тебе.

Распашонки и ленточки...
Утопай в кружевах,
Народившейся деточке
Восхищённое ах!

С дочкой распри старинные
Вспоминать ни к чему...
Я создание дивное
Сразу к сердцу прижму!

Во власти тьмы и света

Во власти тьмы и света
Висит гнездо в ветвях,
Вы — дети двух поэтов,
Вернее, певчих птах.

Птенцам дарили песни,
Растили, как могли.
Звонящий в поднебесье
Чурается земли.

Всего лишь могут птицы —
Кружиться и кричать.
Реальности границы
Им трудно различать.

У всех своя дорога,
Любите взлёта миг —
И не судите строго
Родителей своих.

Не вини, что пока не седая,
В вечной спешке не горблю спины...
Каждый день, каждый час увядаю,
Таю эхом задетой струны.

Ты виток нераскрученной жизни.
Злой бутон, набирающий цвет, —
Я не буду рыдать в укоризне.
Для тебя это небо и свет.

Пусть с другими тебе интересно,
Я окрепшей тебе не нужна.
В нашем доме убогом и тесном —
Ни хозяйка, ни мать, ни жена.

Ты права, я смириться готова,
Есть свобода и выбор детей,
Но расслышь моё тихое слово
В горьком шорохе голых ветвей.

Лодка

Мой старший смеётся и лодку качает,
А младший на вёслах, да руки слабы...
Им чайка кричала, что ветер крепчает,
Судёнышко утло и волны слепы...

Неужто нам мало недавнего горя,
(Подросшие дети не верят словам).
Уносится лодка в открытое море,
Я горькою чайкой спешу по волнам.

И в небе ширяю в круженье тревожном,
И падаю в кипень взметённой волны,
Но лодку уже разглядеть невозможно —
И в крике охриплом — безмерность вины.

СЫНОВЬЯМ

Связь прервётся телефонная,
Как оборванная нить,
Снова будет ночь бессонная,
Ничего не изменить.

Злые заморозки ранние,
Перезвоны и гудки.
Сквозь печаль непонимания
Обнимаю вас, сынки!

Вновь окутывает марево
И вина минувших лет —
Я любить учусь вас заново
И прощать молитвой вслед.

МИРАЖ на ЧИСТЫХ ПРУДАХ

памяти Валентина Терещенко

Мы с тобой писали в стол столько лет!
Кто уехал за бугор, а мы — нет.

Пробирались по горам и долам —
И восторги, и печаль пополам.

Не прощали иногда чепухи.
Посвящали и сжигали стихи.

Если ночью зазвонит телефон,
Перемирие у нас — перезвон.

Ты читаешь мне стихи о любви...
Я кричу тебе, что дети — твои!

Что управиться мне с ними, — невмочь,
Что похожа на тебя твоя дочь.

Лето, осень... И так день за днём
Песни старые по-новому поём.

Перепутались нежность и ненависть —
Ни врагам, ни друзьям не понять —
Мы подолгу не можем, не гневаясь,
И не можем объятия разнять.

Как слова твои острые колются —
Я в ответ возвращаю слова,
Но невольно на грудь к тебе клонится
Обреченно моя голова.

О, как жадно губами горячими
Ты соленых коснешься ресниц —
Друг для друга так много мы значили,
Чтоб живыми еще разойтись.

Мне с тобою хорошо в шалаше,
Я не знаю смертельной недуга,
На последнем твоём этаже
Засыпать под свистящую вьюгу.

Божество ли наш сон бережет?
Кружат лунные тени, как птицы,
И не скажет никто наперед,
Что с тобой и со мною случится...

Рондо

Январская дорога,
Серебряная тьма —
Повремени немного,
Чтоб не свести с ума.

Февраль, спешить не надо,
Оставим все, как есть.
В тишайшем снегопаде
Слышна благая весть.

Душа готова к старту —
Река ломает лед,
Триумф кошачий марта:
«Весна, весна идет!»

Закружит в белых рощах
Нам голову апрель, —
Оставит смелый росчерк
И сменит акварель.

Мы, рук не разнимая,
Услышим первый гром.
«Гроза в начале мая»
Заденет лишь крылом.

Плывет как шар воздушный
Июнь над головой.
Не говори, а слушай
Природы звук живой.

Я плачу и ревную —
Прости, июль, прости!
И бабочку цветную
Хочу зажать в горсти!

Покрасим в синий лодку,
Замажем дегтем течь.
Уже ли август кроткий
Не сможем мы сберечь?

Сентябрь. Плоды поспели —
Корзины нагружай!
Осенней канители —
Ненужный урожай.

Октябрь. Слетает с шумом
Багряная листва.
Не говори, не думай,
Нужны ли нам слова?..

Ноябрь уронит больно
Последний лист с ветвей —
Моя душа невольно
Потянется к твоей.

Увидим на рассвете
Чистейший снег идет —
Ужель с тобой не встретим
Мы этот Новый год!?

К тебе

Не доглядев, ступлю на лёд,
И, сквозь огни и тьму,
Сама метель меня несёт
К порогу твоему.

Исхлёстан вьюгой воротник
И ветра свист в ушах, —
Ищу дорогу напрямик,
Плутаю в трёх соснах.

Под сенью дерева подъезд
И твой глухой этаж,
Ты — старожил всех этих мест,
Похожих на мираж.

Твой клён осталось обогнуть —
По лестнице наверх —
И только руки протянуть,
Чтоб свет в глазах померк.

Примирение

Нас настигали в мае ссоры
И задыхаясь от вражды,
Дабы продолжить разговоры,
Мы шли на Чистые пруды.

Должно быть так сдавали нервы,
И вот мы ссорились всерьёз.
Я улыбалась часто первой
Сквозь синеву последних слёз.

И замечала-замечала,
Как взгляд любимого теплел,
И всюду музыка звучала,
Где ветер клавиши задел.

Вдруг отмечали в изумленье:
«Гляди каштаны зацвели...»
И как ребёнка «Примиренье»
За ручки хрупкие вели.

МУЗЫКА ДУШИ

Поёшь мне песни Украины,
Глядишь в замерзшее окно.
Перемежаются картины,
Как чёрно-белое кино.

Сиротство пряча, как увечье,
Припомнишь прежние года —
Малороссийское наречье
Звенит, как вешняя вода.

Переплелись язык и мова,
Рекою полнится молва, —
И сердце радуется снова
Неоспоримости родства.

Непониманья тают льдинки,
И, потрясая до основ,
Цветут весенние барвинки
Общеславянских вечных слов.

Агудзери

Утро пахнет свежестью лимона,
Горы за Абхазскою деревней,
Высоко вскарабкались по склону
Рощи померанцевых деревьев.

Впереди ручей или канава,
Мелкая рыбёшка серебрится,
Влагою насыщенные травы,
Все в бутонах дикие нарциссы.

Лягушата плюхаются с кочек.
Ящерка пугается от звука —
Хорошо ведёт первопроходчик,
В нужный миг протягивая руку.

Мук и мытарств гроздь не созрели,
На потом отложены с лихвою...
В золотой долине Агудзери
Сон и явь переплелись листвою.

МУЗЫКА ДУШИ

Сердце от боли прозрело,
Общей вины не избыть.
Болью сраженное тело
Не перестану любить.

Мертвые сраму не имут,
С криком летит воронье,
Милое горькое имя
Благословляю твое.

Кружатся радость и скорби,
Долбят могильщики лед —
Прошлое лентой подробной
Пред глазами плывет.

Путь свой сквозь тернии к звездам —
Словно в бессмертье рыбок —
Время признание поздним
Только исполнит зарок.

Вновь различаю голос твой,
Когда врываясь с ветром,
Ты говоришь со мной листвою,
И шорохом, и светом.

Щеки касаешься лучом,
Уводишь за ограду —
Как будто шепчешь: ни о чем
Теперь жалеть не надо.

ГЕРБАРИЙ

Возвращение

Глохнет от птичьего гомона
Лесом поросший погост.
Ивы грозою поломанной,
Остов чернеет как мост.

Ближе просторы любимые,
Яркогo солнца пятно.
Звонче тарусского имени
Прошлому знать не дано.

Ивы укажут плакучие
Ту же тропу в «Велегож».
Полдня дыхание жгучее
Словно забвение пьёшь.

Берег, мальков мельтешение,
Неизъяснимый покой.
Душ дорогих отражение
Быстрой уносит рекой.

Кромку минуя песчаную,
Лечь бы на водную гладь —
Прошлого призрак отчаливший
Вплать попытаться догнать.

МУЗЫКА ДУШИ

Мне дороги и пчёлы, и шмели.
Как дочь земли люблю её творенья.
Приветствую всех бабочек паренье
И все цветы за то, что расцвели.

За то, что срок их меньше моего,
За то, что ветром сдует позолоту...
Я слышу их ликующую ноту
И с каждым разделяю торжество.

На горизонте тает силуэт.
Гляжу на них с иного расстоянья.
Не иссякает нежность состраданья
И не стереть её подошвой лет.

В июньский хоровод зовут растенья,
Перед тобой пространство луговое,
Где мотылёк трепещущей тенью
Сливается с цветами и травой.

Мы станем нотой солнечных симфоний,
Невидимую мелкою частицей.
Лесных растений нежные ладони
Зелёной лентой лягут на ресницы.

Пусть таволга склонится к изголовью
И семена рассеются по лугу.
Мне сладко знать, что дышит мир любовью
И всё живое движется по кругу.

Одуванчик

Затмевая зелёные травы,
Одуванчиков ширится круг.
Золотая короткая слава
В седину превращается вдруг.

Хрупкий стебель и голое темя,
Ничего, что немного продрог.
Белым пухом уносится семя,
Оседая у пыльных дорог.

Ты глядишь в голубые высоты,
Не сломить тебя ветру невзгод.
Переполнено сердце как соты —
И сочится, и капает мёд.

Эскиз

Давно отрыдала кукушка
В глубокой ложине лесной.
Зелёного лета макушку
Смочить бы водой ледяной.

Из царства песка и полыни —
В холодное лоно реки!
Пронизана солнцем стремнина,
Всплывают и тонут буйки.

Накрой набежавшей волною
И вынеси к свету, река.
Пусть кружатся вместе со мною
Деревья, песок, облака...

И древнее чувство свободы,
Проснувшись, ликует в крови,
И прячут глубинные воды
Великие тайны свои.

«Там тоже интересно»

Е. Б.

По нотам разыграна пьеса —
Пришёл и ушёл человек —
Кусок незнакомого леса
И самый последний ковчег.

Там шепчутся корни невнятно.
Туда не спускается зной,
И только живым непонятно
Блаженство лежать под землёй.

Кто плачет, меня окликай?
Как низко склонилась сирень...
И, в шорохи сверху вникая,
Ты солнечный чувствуешь день.

Уже ничего не случится,
И ты не увидишь ни зги,
Но что-то, как прежде, стучится,
Родные слышав шаги...

Приглашение

Воображенья выстроенный мост
Меня уводит часто на погост,

Затерянный меж лесом и рекой,
Такой печальный, ласковый такой...

Однажды отдохните без гостей,
Без пошлых и ненужных новостей,

Обрадуйтесь, что можно не спешить
И прошлое своё не ворошить.

И не смотреть с опаской на часы
В предчувствии недоброй полосы.

Задумайтесь... безвременно уйдя,
Часами слушать музыку дождя...

Чуть различать морозец и тепло.
Да грозное сильное крыло...

Последний шаг — загадочен и прост,
Как ящерица сбрось докучный хвост.

Цветок

За лепестком прозрачный лепесток
С моей души срываешь ты покровы...
Ах, сердце к обороне не готово...
Два, три, четыре, восемь, половина —
Внезапная открылась сердцевина...
Что ж подводи спасительный итог —
Как примитивен, в сущности, цветок.

Гербарий

Всё, что есть, разбазарю
И развею как хлам.
Только этот гербарий
Никому не отдам.

О гербарий мгновений,
Что сгорели дотла —
Хрупкий остов сирени,
Что когда-то цвела!

Сколько было их, сколько!
Невозможно сберечь —
Золотые осколки
Оборвавшихся встреч.

ВЕТКА БЕРЕСКЛЕТА

Шумит и качается роща
И слышится гул голосов —
Не плачет она и не ропшет,
Но слышится в шорохе зов.

Древесную книгу листаю,
Где нет ни начал, ни конца.
Последним листком облетаю,
Спасенья ищу у творца.

За ветку хочу уцепиться,
Но время торопит: в полёт!
Оборваны ветром страницы,
В пыли золотой переплёт.

Качается стебель случайный,
Который не к сроку возрос,
И зыблется свет изначальный
Давно облетевших берёз.

Что осталось от цветенья?
Кисло-горькие дички,
Поздней осени смятенье,
Неба серого клочки...

Жизнь моя бежит по кругу.
Белый снег погасит тьму...
С головой уйдя под вьюгу,
Схиму белую приму.

Привал

Не придумаешь лучше привала —
Листопадом усыпанный склон.
Здравствуй, клён, красоты, небывалой,
Исполинскому дубу поклон.

Я пришла к вам с бедою своею,
Надоело в потёмках кружить.
Помогите печали развеять,
Подскажите, как дальше мне жить.

Вы любой с меня снимите камень
Шумом ветра и шорохом птиц.
Ваши листья, как фото на память,
Я кладу в развороте страниц.

Надо мною трепещут осины,
Плачет дождь и мерещится мне —
Мы всего лишь детали картины
На бессмертном большом полотне.

И ветвей раздвигаю завесу,
По наитью нахлынувших слов
Я читаю стихи свои лесу,
Потому что он слушать готов.

Оставь тоску-печаль напрасную,
Почувствуй лес, как в первый раз.
Ах, лето ласковое, красное,
Загороди от хищных глаз.

Пусть пташка дольше трепыхается,
Забвенье пробуя на вкус,
И земляника осыпается
В траве высокой — белоус*.

Как хороводом водят елочки,
От глаза реченьку хранят.
А на пригорке колокольчики
Во все бубенчики звенят!

* *Белоус* — название луговой травы.

На поляне

Шумного восторга не таю,
Проходя кустарником багряным —
Красками печали утолю,
А усталость — яблоком румяным.

Белые достану не спеша,
Разложу как золотые слитки —
Бархатная шляпка хороша,
Нежно подточена улиткой.

Розовые тени на стволе,
Ветка шелестит у изголовья...
Как дитя, засну я на земле,
Ветром убаюкана с любовью.

Ветка бересклета

Набирают силу георгины,
Яркие обновы примеряют,
Гроздья побуревшие рябины
На рассвете зябком дозревают.

Лес и дол готовятся к Успенью,
От росы трава в лесу проволгла —
Близится пора отдохновенья —
Созиданья радости недолгой.

Сломанную ветку бересклета,
Как ребёнка, вынесу из чаши —
Как тебя спасти последыш лета
С ягодой, на ниточке, дрожащей?

В лесу

Я в лесу — как в собственном доме,
Под ногой хрустит упавший сук.
Рано или поздно — не пойму,
Время отмеряет дятла стук.

Под ногами не считаю мед,
Здесь моя поляна — мой приют.
Встану на пригорок поглядеть
Золотой рябиновый салют.

Этот бедный клён опять влюблён,
Он морозом первым опалён.
Рассыпая жаркую листву,
Он всё время грезит наяву.

Рядом пень, а был могучий дуб —
Что же ты наделал, лесоруб?!
Занесён топор, под топором
Мы бредём в неведение своём...

Я смотрю, как сыплется листва,
И всё тоньше линии ветвей,
И шепчу бессвязные слова
О родстве деревьев и людей...

В ПУСТЫННЫХ АЛЛЕЯХ

Как рано в августе темнеет:
Тускнеет цвет, редет звук...
И выцветает, и бледнеет
Бескрайний лес, безбрежный луг.

Ещё вчера стрекозы млели
И травы буйные цвели —
И мы так многого хотели —
И не успели, не смогли.

Ночь

Слава к славе, а деньги к деньгам,
Мы теряемся в мире суровом,
Но бывает достаточно нам
Упоения звуком и словом.

Полночь бархатным машет крылом,
Мы одни, и земля захмелела.
Тонкий тополь — наш друг за окном
Реет в пухе прозрачном и белом.

Как же нам не хватало тепла!
Тишина над заснувшей Москвою.
Мы вдвоём в отраженье стекла,
Наплывает строфа, за строфою...

Лето только начинается

В первобытном изумлении
Озираемся вокруг.
Сердце жаждет исцеления,
Ловит свет, вбирает звук.

Смена действий постепенная:
Ветки, шорохи, шмели.
Здравствуй, радость сокровенная,
Пробудившейся земли!

Тишины одиноличники,
Долгожданного тепла...
Вся поляна в земляничнике
От цветения бела!

Сладострастный запах клевера
Проникает в сердца глубь.
У поваленного дерева
Ты моих коснёшься губ.

Лето только начинается,
Молодой шумит листвою!
Жизнь былинкою качается
У дороги полевой.

Город ночью

Дождик точит сфинксов спины —
И опять в зеркале вод
Зданий белая лепнина
Зачарованно плывет.

Город вечной непогоды
Синей Балтикой пропах,
И Нептун ему в угоду
Нас качает на волнах.

Профиль готики суровой
Наш приковывает взгляд —
Ночи ветреной покровы
Обрываются, скользят...

Тайны страшные столетий
Вырываются из тьмы —
Жертв, воспрявших в лунном свете,
Сосчитать не в силах мы.

И до самого рассвета
Вдоль каналов и мостов
Строчки сгинувших поэтов
Вьются в сонме голосов.

МУЗЫКА ДУШИ

Встречи радостные возгласы
Узнаю по крику птиц.
Проникаешь в сердце воздухом
Синевою без границ.

Больше пуда соли съедено,
Шелестит, звенит листва...
За невзгодами и бедами
Ближе не было родства.

В небеса гляжу в рассеяньи —
Где тебе обещан рай...
За меня цветы весенние
Обовьют могилы край.

Едем в Петергоф!

Звонкие каскады,
Быстрая вода,
Плещутся наяды
Юные всегда.

Мелкие тритоны
Наводняют пруд.
Алые бутоны
Скоро расцветут.

Солнце позолоты
И фонтанов зов —
Ах, не важно, кто ты!
Едем в Петергоф!

Сердце вожделеет
К недомолвке фраз —
Темные аллеи
Ожидают нас!

Нимфы и сатиры,
Разговор цветов —
Страсти правят миром,
Едем в Петергоф!

В пустынных аллеях

Свой последний приезд не забуду:
Жёлтых листьев примёрзшие груды.

Словно тушью прочерчены кроны,
Оглушительный клёкот вороны.

Катит Волга холодные воды
И куда-то уносит невзгоды.

По пустынным гуляя аллеям,
С каждым часом с тобой молодеем.

Наша жизнь никому не подсудна,
Будем в номере спать беспробудно.

Как в снегу, утопая в постели,
Будем слушать скрипучие ели.

С высоты полёта

Обняли ангелы душеньку сонную,
Переступили оградку балконную

И полетели маршрутом прежним,
Прямо навстречу заносам снежным.

В предновогодних огнях столица,
Как необъезженная кобылица.

Ищет душа его, не узнавая,
Сретенку детства, грохот трамвая.

Выемки, вывески, лесенки, горки —
Жизни начала родные задворки.

Слёзы Победы, гул коммунальный
В нежном сиянье свечи поминальной.

ИСЧЕЗНУВШИЙ МОНАСТЫРЬ

Доведёшь меня до ручки, до петли,
Сколько жертв твоих валяются в пыли!

Ты мальчишек заставляешь воровать —
То, что глупые, зелёные — плевать,

А девчонки, а девчонки, всё губя,
Горько плачут, откупаясь от тебя.

Стариков свезёшь до срока на погост,
Работягу-правдолюбца — не вопрос.

Сколько лет тебе, проклятая? — Века
Не меняются усмешка и клюка.

Вот одна стою я в поле без щита —
Поперхнись моей душою, нищета!

Мать

Машет чёрными крыльями звёздная ночь —
Ты не слышишь меня, драгоценная дочь!

Где же гордость моих неприкаянных дней? —
Безуспешно зову сыновей...

Я одна вас пыталась поднять и взрастить
От тюрьмы и сумы заслонить...

Но поднявшись едва, вы забыли меня,
На ветру голосами звеня...

Вышло время моё, помогай же вам Бог —
Вы остались одни на распутье дорог.

Машет месяц в пруду мне веслом золотым —
Ухожу, уплываю как дым...

Пусть же звёздная ночь вас согреет крылом —
Может, свидимся в мире ином...

Языческая баллада

Были море и небо
Благосклонны к дарам,
К светоносному Фебу
Уходил фимиам.

Золотистые гроздья
Становились вином.
Именитые гости
Посещали мой дом.

В жизни дерзкой и вольной
Я не знала тревог,
И эгейские волны
Разбивались у ног.

Не тяни ко мне, старость,
Омерзительных рук —
Я тебе не достанусь,
А растаю, как звук.

Феба гордая жрица,
Я молю о стреле —
Чтобы сразу свалиться
На весенней земле.

* * *

*«По статистике каждый
200-й житель Евразии
потомок Чингисхана»
Из газет*

Далёкие потомки Чингисхана,
Недобрый взгляд, насупленная бровь...
Под дерзкую усмешкой хулигана
Кочевников бунтующая кровь.

Вы с молоком впитали ритмы рэпа
И ярость обездоленных невежд.
Наш старый мир вам кажется нелепым,
Не стоящим заботы и надежд.

Как вы росли? Даваясь свободой нищей
На пустырях, где пыльная полынь,
И выстояв травой на пепелище,
Не знаете пощады и святынь.

Ослабшими славянскими корнями
Не удержать кочевников напор,
И родственные связи между нами
Сулят непониманье и раздор.

По всей Руси потомки Чингисхана,
Горит земля — застигнута врасплох.
Среди травы, поникшей на курганах,
Воинственной ордой — чертополох.

Филимон и Бавкида

памяти А. Марковича

Рвётся тонкая связь времён,
В небе месяц плывёт нагой.
О кудрявый мой Филимон,
Ты же помнишь меня другой.

Ты о прошлом заводишь речь,
Наши годы уходят вспять.
Я дровишек подброшу в печь,
Чтоб отраднее вспоминать.

И пока не очерчен круг,
Не просыпан песок часов,
Мы состаримся вместе, друг,
Под серебряный шелест слов.

Поздней осенью выйдем в сад,
За холодный ступив порог.
Как же громко птицы кричат,
Что земному отмерен срок.

Орфей

памяти Е. Б.

Лишь только волшебное пенье
Раздастся внизу под горой —
Внезапно застынут олени,
Бегущие на водопой.

Я словно к стволу прирастаю,
Мне даже в тени горячо...
И вещая птица, слетая,
Садится к тебе на плечо.

Ползучий побег повилики,
Опутал сандали твои.
В печальную честь Эвридики
Бессмертная песнь о любви.

Волос твоих зыблются пряди...
В укромной засаде ветвей,
Подобно ревнивой дриаде,
Слежу я за песней твоей.

Притча о Марии и Марфе

Под звуки небесные арфы
Мария томится в саду...
Какое ей дело до Марфы,
До той, что в пыли и чаду.

А Марфа углы выметает,
И хлебы торопится печь —
И тайным желаньем сгорает
Внимание гостя привлечь.

Плечистая добрая дева,
Воздать бы тебе за труды!
Ты райские слышишь напевы,
Цветущие видишь сады.

Где белой рукой по наитью
Мария выводит узор,
Так дивно сплетаются нити,
Так кроток опущенный взор...

Где Марфе рукой огрубелой,
Скользящую нить удержать,
Чтоб розовым шёлком и белым
Движенья души выразить...

Усердная бедная Марфа,
Спасибо за хлеб и приют,
Но звуки небесные арфы
Мариину славу поют!

Исчезнувший монастырь

Частым ельником окружён,
Отражённый в воде озёрной,
Дом — прибежище дев и жён,
С дивной башенкою узорной.

Слёз не лить и не слышать смех,
Забывать голоса и лица,
От недолгих земных утех
В келье девичьей затвориться.

Ночью ливень и веток скрип,
Утром белым накрывшись платом,
Продираться вдоль старых лип
С исцеляющим ароматом.

Стать песчинкой в руках творца,
Голосам херувимским внемля,
И смотреть, как летит пыльца,
Устилая любовно землю.

На Успение шить покров,
Выбирали цвета и нитки.
Безымянный ларец даров:
Свечи тонкие, перстни, свитки.

Дальний слышится благовест
Ветра тихого дуновенье...
Тянет сердце к святыне мест,
Где по пояс трава забвенья.

КНИЖНЫЙ САД

Оттепель

Вздорной своей захлестни суетою,
Благословенное время застоя.

Пусть на местах заправляют невежды:
Зреют таланты и реют надежды.

След свой оставить пытается каждый,
Неистребима призвания жажда.

Самый упорный успеет пробиться,
Провинциалам поможет столица.

Вьюги сменились симфонией вешней:
Криком и писком исходят скворечни!

Белой голубкой весна прилетела —
Чудится это конец беспредела!

Выплеском красок и громом оркестра
Славят свободу по разным реестрам.

Под балдахином на склоне эпохи
Царственной арфы прощальные вздохи.

Книжный сад

Куда ведёшь ты, Книжный сад,
Ветвясь повсюду.
Какие встречи предстоят
И пересуды?

Цитаты в воздухе звенят,
Рябит от света,
И хочется весь мир обнять
Руками Фета.

Бутыли красного вина
И гвалт Привоза.
Одессой веет Куприна
Живая проза.

В Париже русская тоска
Томит, как жажда.
Пронзает Бунина строка
Деталью каждой.

Полуистлевшие листки
В архивной пыли,
Написанные от руки
Гулага были.

Все шорохи вобравший сад,
Столетий ниши,
Эпохи гул сквозь листопад
Хочу расслышать.

День поэзии

Мы все такие разные
В одну ломились дверь.
Какие были праздники,
Таких уж нет теперь!

Ходили, как по лезвию —
На счастье ль, на беду.
И ждали День Поэзии
Все месяцы в году.

Поэзия, как мания,
Где россыпи цитат.
Как агнцы на заклание
Спешили в самиздат.

Ловили над подмостками
Теней великих вздох
И жили отголосками
Трагических эпох.

Ни славы, ни пристанища,
Ни звона серебра.
Ау, мои товарищи,
Подвижники пера.

Ракурс

Отшумели июльские грозы
Оглушающим плеском стихов,
И душа, созревая для прозы,
Ловит шорох невнятных шагов.

Оживают любимые лица,
Вьётся фабулы тонкая нить:
Кто-то должен на свет появиться,
Кто-то тешит мир изменить.

Память сердца заглохнет едва ли,
Только ракурс особый найди...
Для кого эти дивные дали
И безбрежная жизнь впереди?

Ностальгический воздух глотая,
Заблудившись в конец, не поймёшь,
Где поэзии правда святая,
Где её безоглядная ложь?

Слово

Теперь с тобою рядом только слово —
Единственное средство от невзгод,
И, как бы ни была судьба сурова,
Оно к тебе на выручку придёт.

Твоей ли жизни шелестят страницы,
Преображая выцветшие дни?
И запахи, и шорохи, и лица
Грядущим поколениям сохрани.

Ода выброшенным книгам

В плаванье свободное пустили,
Вынесли небрежно за порог.
Как скитальцы смуглые от пыли:
Фет и Тютчев, Лермонтов и Блок.

Имена, заученные с детства,
Чей же вы нарушили уют!?
Никому ненужное наследство
Азиаты-дворники сожгут.

Спрячу я украдкой под одеждой
Книжку, как продрогшего щенка.
Что б опять и верой, и надеждой
Прозвенела каждая строка.

На ветру

В тоску забот погружена
И без надежд на день грядущий,
Я даже детям не нужна,
Поскольку стала неимущей.

Всю горечь осени вберу,
Довольствуясь водой и хлебом.
Дозреют песни на ветру,
Качаясь под открытым небом.

Со сцены

Начну читать стихи, когда затихнут в зале,
Вызывая ритм, выманивая звук,
Откроются глазам неведомые дали,
Высокий косогор и рощи полукруг.

Не сдвлена гортань, отпущены зажимы,
И слышно в тишине, как плещется строка,
И образы плывут, насыщены и зримы,
И эхо достаёт до потолка.

С младенчества усвоенные крохи,
Как первые уроки мастерства —
Сквозь тернии судьбы и веянья эпохи
Трепещет на ветру поэзии листва.

Скорый поезд

Душа едва ли представляла,
Переступив с трудом апрель,
Как близок мая полдень алый
И в форточке жужжащий шмель.

Ах, дивный поезд, поезд скорый,
Примчись ко мне из прошлых лет,
От бед своих в вагоне скроюсь, —
Ищи-свищи — растаял след.

Лучи скользят по занавеске,
И снова радостно до слёз
Встречать поля и перелески,
И лики светлые берёз.

И люд, бегущий к полустанку,
Чтоб до отбытия успеть
Вручить тебе солений банку
Или в кульках иную снедь.

Любимый поезд, поезд скорый,
Умчи меня куда-нибудь.
Среди холмов зелёных скроюсь,
Среди берёз продолжу путь.

Гражданин мира

Не так велик, поверь мне, шар земной.
И ты его к груди прижмёшь однажды.
Почудится страны далёкий зной
И дальних странствий одолеет жажда.

Меняются эпохи и века.
Наш самолёт летит под облаками:
И вот он Ганг — священная река,
А можно очутиться на Майями...

Так хочется во всех земных морях
Омыть ступни и окунуться в воду...
Коралловый рассвет встречать в горах
И океана ощущать свободу.

Скажи скорей, куда мы полетим?
Как музыка звучат иные страны,
Железный занавес сменился золотым —
Я не у дел. Не сыпь мне соль на раны.

Но неимущим тоже выход дан,
И он чужих не требует подачек.
Воображенья светится экран,
И шар земной вращается, как мячик.

Голос

памяти Поэта

В пасьянс сложились фотографии
И всех воспоминаний крохи.
Рождалась снова биография
И человека, и эпохи.

Над стадионами взмывающий,
Был голос времени примета.
Прощайте, старшие товарищи,
Шестидесятники-поэты!

Над разговорами и сплетнями,
Вернувшись в красоте и силе,
Он вновь шумит дождями летними —
Многоголосицей России!

ТЁМНЫЙ ПОДЪЕЗД

Здравствуй, город мой, осенняя столица,
Узнаю твоих изгоев лица...

Тех, кто с юности бравирует законом,
Низко голову склонив под капюшоном.

В вечном поиске не снеди, а снадобья,
Зверем рыскают и смотрят исподлобья.

Никнут тени у метро в тиши рассветной —
Снятся спальные вагоны безбилетным.

МУЗЫКА ДУШИ

А наутро и впрямь наступила зима
И невольно свела всё живое с ума.

Для моих бедолаг — это полный обвал —
И собаки, и кошки забились в подвал.

Заметались вороны на голом верху,
Пляшет парень в пальтишке на рыбьем меху.

Все мы верили в бабьего лета тепло —
Нас как жёлтые листья морозом ожгло.

Раскрутила зима чёрно-белые сны —
Хорошо бы, дружок, дотянуть до весны.

Чтоб не съела хандра чёрно-белых снегов —
Разливай «Изабеллу», напиток богов.

Приближение февраля

Приближается с заносами февраль —
И хорошее предвидится едва ль...

Люди близкие спиваются, хоть плачь —
Не помогут ни полиция, ни врач.

Продолжаются разборки и бедлам —
И вчерашние окурки по углам...

По заснеженному полю через лес —
Увези меня автобус мой, экспресс...

Засыпая, я расслышу сквозь метель,
Как играет мне на дудочке апрель...

Старая Золушка

Ах, бедная головушка,
Как докатилась ты?
На склоне лет, как Золушка —
На кухне у плиты.

То с веником, то с тряпкою,
Не покладая рук,
Разбудит в полночь зябкую
Нетерпеливый стук.

Что выросло, то выросло...
Не выполоть бурьян,
Но жизнь страшнее вымысла,
Когда сыночек пьян!

Где вы серые питомцы?
Трудно прятаться в лесу,
Постелила б вам соломки,
Но от пули не спасу.

Где вы рыщете полночи,
Выходя на лунный свет —
Видно, леший вас морочит,
Наводя на ложный след.

Ёкнет сердце ненароком,
Станет зябко у огня —
Не спеши с утра сорока
С новостями для меня.

Подъезд

Расхристанные малолетки
В лицо известные окрест,
С утра стреляют сигаретки
И забиваются в подъезд.

Они балласт в семье и в школе,
Но ярк улицы вертеп,
О «крутизне» и алкоголе
Пацан «выплясывает» рэп...

Для них обкуренных и пьяных
Подъезда грязного уют —
Одни уходят в наркоманы,
Других на зону отвезут...

Прервется в сердце одиноком
Любви связующая нить...
О погибающих до срока
Струна щемящая звенит.

Почему не пускают в подъезды бомжей?
Почему отовсюду их гонят взашей?

Разбирают котят, примечают дворняг,
Даже крысы в подвале живут кое-как.

Потому что не любят и знать не хотят,
Потому что никто он и нам он не брат...

Потому что мы лучше, и хуже — они.
Наше место под солнцем, а прочих в тени.

Нужен кров им, и чайник, и старый тюфяк,
Даже крысы в подвале живут кое-как...

И в жару, и в мороз запирают подъезд,
Разве мало на свалке насиженных мест!?

Почему же растёт поголовье бомжей?
Потому что на кров не хватает грошей, —
Никогда не пускайте в подъезды бомжей!

Грустная песенка

Ах, время разудалое!
Всем бедам вопреки,
Там старые и малые,
И дети, и щенки...

Все вместе на судёнышке
Под шквалами невзгод,
Волной залито донышко,
И каждый чуда ждёт.

Из пламени, да в полымя —
Разрушен ветхий дом...
Кто смог, тот умер вовремя —
Спасайтесь за бортом!

ВЕДЬМА

Сброшу прежних забот вериги,
Мне не страшен ни чёрт, ни вор...
Пусть кикиморы и шишиги
Обживают сарай и двор.

Душной полночью мне не спится,
Не дарует покоя ночь...
В птицу чёрную обратиться
Заклинанье должно помочь!

На верхушку берёзы сяду,
Распростёртым взмахну крылом,
Пролечу над затихшим садом
И обрушу небесный гром.

Метель

Свой белый гнев обрушь на стены города,
Засыпь его дороги и дома.
Всю ночь моя душа звенит от холода,
Возьми меня в союзницы, Зима!

Незримая под снежною материей,
Я закружусь — и заверчу простор...
Метелью став, в бессмертие уверую
И демонов ночных пополню хор.

Память

Треплет ветер страницы книги,
Лезет в голову пёстрый вздор,
Вновь кикиморы и шишиги
Заселяют сарай и двор.

Домового лишь нету дома,
Только горстка сухих опят.
Зарываясь с хвостом в солому,
Бесенята блаженно спят.

Стынут лунные половицы,
В щели прячутся пауки...
Голоса, имена и лица
Выплывают со дна реки.

Суд

Душа дрожит, совсем нагая,
Меня выводят из острога,
Но, покаянье отвергая,
Я не хочу молиться Богу.

Как ровно сложены поленья,
Соседи смотрят, торжествуя...
Я не виновна в преступленье,
Зачем сжигать меня, живую!?

Любовник первым отвернётся,
Душа на суд толпы предстала —
Не плачь, не плачь, где кровь прольётся,
Там расцветёт шиповник алый.

Ведьма

Любовный шёпот ненавижу:
Здесь в стороне моей лесной
Я раздуваю пламень рыжий
И причитаю под луной.

И, разметав победно космы,
Вверх уносясь на помеле,
Уткнусь лицом в холодный космос
И зарыдаю о земле.

Демон грозы

Вылечу в разбитое окно,
Буду с ветром буйным заодно!

Потемнеет запад и восток,
Заклубится пыль больших дорог.

Состригая ветви наголо,
Подымая птицу на крыло,

Просвистит распахнутым крылом —
Демон гроз — души моей фантом.

Вместе нам метаться по лесам,
Распевать псалмы по голосам.

Изнемочь, припасть к земле сырой —
Батюшка-бурьян, спаси, укрой...

ПОДМОСТКИ

Заберусь на подмостки трухлявые,
Я — актриса, и я — режиссер.
Не знакома с прижизненной славой,
Я читаю в глазах приговор.

Сердце взмыло окрепшею птицею —
Эй, вы там, на галерке, друзья!
Потому что всю жизнь репетиция —
Претвориться поэтом — нельзя!

В сиянии грима исчезнут морщины
(Волнуется море — волна за волной)...
Я выйду на сцену, как брошусь в пучину,
И занавес чёрный взлетит за спиной.

Я место под рампой оставить не склонна,
Ещё я сердца заставляю гореть —
И снова весь вечер царит примадонна,
И зритель готов за неё умереть.

О, вечные боги, как жизнь быстротечна!
(Забыты на время утраты и боль),
И снова волнует мой голос беспечный —
И яростно сердце вживается в роль.

Изнанка

Свалка старых декораций, запах пыли —
Вырастают в мелодраму водевили.

В духе времени меняется либретто,
Снимки прежние и новые портреты.

Примадонна, как всегда, скрывает годы —
Ухищренья, развлечения и доходы.

Роли делятся: истерика и ссоры,
Но опять проходят мимо режиссёры.

Здесь любого ненавидишь поневоле —
Роли главные и маленькие роли...

Ах, перчатки до локтя и туалеты —
Алевтину превращают в Виолетту.

И под музыку, под музыку оваций —
Сердце бедное готово разорваться.

Века прошлого изящные манеры —
Служат барышням лихие кавалеры.

Достоверные продуманы детали,
Чтобы мы не сомневались в тёмном зале...

И не вхожий в закулисную обитель,
Все за чистую монету примет зритель.

Саломея

Качаясь, свиваются змеи,
Весь стан изгибается твой.
Пляши, моя дочь Саломея,
Касайся земли головой.

Заламывай с криком запястья,
(Играй, молодое вино!) —
Пред этой всеильной напастью
Ему устоять не дано.

Пляши, моя боль и отрада,
Своди его танцем с ума...
Ты плачешь, Иродиада,
Что раньше сводила сама?

Но в чём его спеси причина,
О чём его странная речь —
И всё же красавец-мужчина,
Башка твоя свалится с плеч!

Я казни твоей ожидаю,
Я слёзы стираю в тени...
Кружись, моя дочь молодая,
В серебряный бубен звени...

Агарь

Проходя, я движеньем неловким
Разлила молодое вино,
Господин, развалясь на циновке,
Мне велел занавесить окно.

И зачем, после женщины белой
И её светозарных волос,
Моё бедное смуглое тело,
В тебе будит то нежность, то злость?

Говорят, что какое-то зелье
Я в питьё подмешала тебе.
И с тех пор и в боях, и в безделье
Не находишь ты места себе!

Но твоей ли подруге примерной,
С волосами рыжее, чем медь,
С неподдельной тоской суеверной
На меня, «полонянку», глядеть.

Так и делишь меж раем и адом,
И не тот ли сюжет, что и встарь?
И не тем ли потупленным взглядом
Присушила служанка-Агарь.

Федра

Со стола уносят слуги
Яства сладкие и вина...
Грустно мир покинуть, други,
Не испробав половины...

Мне дарившей ласки щедро,
Осыпаться розой алой,
Но отвергнутою Федрой
Не хочу и не пристало.

Пусть тоска моя упорна,
Лечит сердце расстоянье...
Вместо участи зазорной —
Добровольное изгнание.

Из жизни натурщицы

Мой старый друг из бывших крепостных,
Уж год корпит над новою картиной —
Я — в простыню завёрнутая — стыну,
Когда служу моделью для святых.

Он не обидит твари бессловесной,
Но, как цыган, от ярости дрожит,
Когда пичуги щебет неуместный
Меня в разгар работы насмешит.

Мой новый друг — повеса и бретёр,
Он ни коней, ни женщин не жалеет...
Его глаза заметно веселяют,
Когда он в птицу целится в упор...

Он промотал отцовские червонцы,
Но как он «ля» последнее берёт,
Когда я с ним, в крови играет солнце,
И всё внутри играет и поёт!

Оглавление

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	3
МАРИНЕ ЦВЕТАЕВОЙ	8
Портрет девушки в соломенной шляпе	8
«Облупленная стена...»	9
Счастливый день	9
Художник	10
Танец	11
Ночной разговор	12
Август	13
Камень	14
«Там, где стоял твой дом...»	15
Последние дни	16
СТИХИ о МОСКВЕ	17
Стихи о Нескучном саде	17
Песенка о московских окраинах	18
Из окна поезда	19
Весна	20
Соседка	21
Ода Юго-Западу	22
«Опять спешишь сквозь анфилады...»	23
«До свиданья, чужестранцы...»	24
«Я рада февралю...»	25
«На Таганской радиальной...»	26
Работа	27
Маршрут	28
В дороге	29
СЕМЕЙНЫЙ КОРАБЛЬ	30
Корни	30

Праздник	31
Семейный корабль	32
Слово о прасоле	33
«Очень светло и тихо...»	34
«Туманное солнце заходит ...»	35
Маме	36
Ностальгия по веку	37
Папины письма	38
Ветеран	39
«Провожаем своих героев...»	40
«И в долгожданный день Победы...»	41
Парки победы	42
АКВАРЕЛИ	43
Акварель	43
«Задыхаясь, гложу от простора...»	43
Яблоня	44
«И жизни всесильная жажда...»	44
Зелёное яблоко	45
«Как роман авантюрный...»	46
ТРИПТИХ	47
«Мальчики далёкого застоя...»	49
«Где ветер, исполненный риска...»	50
«Не к сыну и не к дочке...»	51
Жгучий напев	52
РОЗОВЫЙ СЕРДОЛИК	53
Море	53
«Запомню все: и ветреный апрель...»	54
«Была душа весне открыта...»	54
Встреча	55
Сердолик	56
Коктебель	57
Кимоно	58

Юг в октябре	59
Базар в Анапе	60
На барахолке	61
ДЮЙМОВОЧКА	62
«И в асфальте пробилась трава...»	62
Братец-Клён	63
Зимний вальс	64
Дюймовочка	65
Внучке Полине	66
Во власти тьмы и света	67
«Не вини, что пока не седая...»	68
Лодка	69
Сыновьям	70
МИРАЖ на ЧИСТЫХ ПРУДАХ	71
«Мы с тобой писали в стол столько лет!..»	71
«Перепутались нежность и ненависть ...»	72
«Мне с тобою хорошо в шалаше...»	72
Рондо	73
К тебе	75
Примирение	76
«Поёшь мне песни Украины...»	77
Агудзери	78
«Сердце от боли прозрело...»	79
«Вновь различаю голос твой...»	79
ГЕРБАРИЙ	80
Возвращение	80
«Мне дороги и пчёлы, и шмели...»	81
«В июньский хоровод зовут растенья...»	82
Одуванчик	83
Эскиз	84
«По нотам разыграна пьеса ...»	85
Приглашение	86

Цветок	87
Гербарий	87
ВЕТКА БЕРЕСКЛЕТА	88
«Шумит и качается роща...»	88
«Что осталось от цветенья?..»	89
Привал	89
«Надо мною трепещут осины...»	90
«Оставь тоску-печаль напрасную...»	90
На поляне	91
Ветка бересклета	92
В лесу	93
В ПУСТЫННЫХ АЛЛЕЯХ	94
«Как рано в августе темнеет...»	94
Ночь	94
Лето только начинается	95
Город ночью	96
«Встречи радостные возгласы...»	97
Едем в Петергоф!	98
В пустынных аллеях	99
С высоты полёта	100
ИСЧЕЗНУВШИЙ МОНАСТЫРЬ	101
«Доведёшь меня до ручки, до петли...»	101
Мать	102
Языческая баллада	103
«Далёкие потомки Чингисхана...»	104
Филимон и Бавкида	105
Орфей	106
Притча о Марии и Марфе	107
Исчезнувший монастырь	108
КНИЖНЫЙ САД	109
Оттепель	109
Книжный сад	110

День поэзии	111
Ракурс	112
Слово	113
Ода выброшенным книгам	113
На ветру	114
Со сцены	114
Скорый поезд	115
Гражданин мира	116
Голос	117
ТЁМНЫЙ ПОДЪЕЗД	118
«Здравствуй, город мой, осенняя столица...»	118
«А наутро и впрямь наступила зима...»	119
Приближение февраля	120
Старая Золушка	121
«Где вы серые питомцы?..»	122
Подъезд	123
«Почему не пускают в подъезды бомжей?..»	124
Грустная песенка	125
ВЕДЬМА	126
«Сброшу прежних забот вериги...»	126
Метель	126
Память	127
Суд	127
Ведьма	128
Демон грозы	128
ПОДМОСТКИ	129
«Заберусь на подмостки грухлявые...»	129
«В сиянии грима исчезнут морщины...»	129
Изнанка	130
Саломея	131
Агарь	132
Федра	133

Из жизни натурщицы	134
--------------------------	-----

Ирина Антонова

МУЗЫКА ДУШИ
Премия им. А.А. Блока

АНТОНОВА Ирина Анатольевна — поэт, член Союза писателей России, выпускница филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Публиковалась в журналах «Новый мир», «Юность», «Студенческий меридиан», «Сельская молодёжь», альманах «Поэзия», «Истоки», «Муза», «День Поэзии», «Золотое руно». Автор пяти книг. Ответственный секретарь альманаха «Поэзия». Живёт в Москве.

«МУЗЫКА ДУШИ» — сборник стихотворений, написанных в духе Серебряного века и затрагивающих различные аспекты современной жизни. Книга пронизана не кричащей, но искренней и трепетной любовью к детям, родным и близким, к Родине, а первая тетрадь сборника посвящена Марине Цветаевой. Преемственность поколений, городские натюрморты и великая сила природы позволят читателю прикоснуться к красоте и гармонии мира и ощутить их целительную силу.

